

— Больно... почему же мне так больно? Конечности словно налились свинцом, я едва могу пошевелиться... что же со мной такое?

Эрис, проспав остаток дня и всю ночь, наконец открыла глаза. Однако, в отличие от обычных пробуждений, когда она легко вскакивала с постели, сегодня тело казалось чуждым. Как бы она ни старалась, подняться не удавалось.

В мыслях у неё возник немой вопрос. Похоже, она не сразу вспомнила, что произошло, и пребывала в полном недоумении.

Спустя некоторое время, приложив немалые усилия, она всё же сумела сесть, и тут же в памяти всплыли вчерашние события. Оглядев знакомую комнату и ощущая, как ноют надорванные мышцы, Эрис испытала лёгкое разочарование. Теперь она отчётливо понимала: она потеряла сознание во время тренировки, и кто-то принёс её обратно.

— Неужели я свалилась от такой малости...

Эрис посмотрела на свои руки, покрытые мозолями за год упорных занятий. Ощущая боль в предплечьях и плечах, она с досадой сжала кулаки, не разжимая их, даже несмотря на неприятные ощущения.

Она знала о своей посредственности, и тренировки с Полом лишь подтверждали это. То, что для Пола было простым движением, напоминающим изящный танец, в его руках превращалось в смертоносное искусство, исполняемое между делом, с лёгкой улыбкой. Но стоило повторить это ей, как движения становились вязкими, словно пыль, попавшая под дождь. О каком убийстве врагов могла идти речь? Даже собственная защита зависела от удачи. Чтобы хоть немного освоить какой-то приём, ей приходилось повторять его бесчисленное количество раз.

Все её громкие слова были лишь допингом, помогавшим забыть о собственной бездарности — конечно, пока никто не разоблачал эту ложь.

Рудеус, её кузен... Она считала его бездельником, презирала за то, что он целыми днями сидит дома, избегает общения с семьёй и занимается всякими мерзостями вроде кражи женского белья. Но именно тот, кого она ставила ни во что, обладал талантом, о котором она могла только мечтать, и с лёгкостью обходил её.

Её терзали зависть, гнев, смятение, но больше всего — недоумение. Почему? За что? Разве она недостаточно старалась?

Когда она была уже на грани отчаяния, дверь отворилась. Вошла Лилия с миской жидкой каши.

— Госпожа Эрис, вы проснулись! Как хорошо. Вы даже не представляете, как сильно

волновались господин и госпожа вчера. Хорошо, что с вами всё в порядке.

— Это... вы, тётушка Лилия?

— Да, госпожа Эрис. Давайте сначала съедим эту кашу с нежирным мясом. Вы только очнулись, силы ещё слабы, нужно подкрепиться.

Лилия поставила поднос на столик, затем, взяв миску и ложку, села на край кровати.

— Фу-у, фу-у... А-а-а.

— Ам...

Лилия зачерпнула горячую кашу, подула на неё и поднесла к губам Эрис. Та не стала отказываться и послушно открыла рот. Каша оказалась нежной и ароматной — чувствовалось, что её долго варили, чтобы вкус овощей и мяса полностью раскрылся.

— Вкусно... — тихо прошептала Эрис.

Лилия, обладающая чутким слухом, расслышала её слова. Она улыбнулась, вытерла остатки еды с уголков рта девочки и произнесла:

— Раз вкусно, значит, нужно съесть побольше. Госпожа готовила это с самого раннего утра, так что внизу есть ещё.

— Мама готовила?

— Конечно. Вы даже не представляете, как госпожа и господин переживали вчера. Госпожа из-за этого не сомкнула глаз всю ночь, но всё равно встала спозаранку, чтобы приготовить для вас что-нибудь вкусное.

Лилия продолжала кормить её ложечку за ложечкой, не умолкая ни на секунду, рассказывая о том, что происходило после того, как Эрис лишилась чувств. Девочка молча слушала, пока миска не опустела, а тело не начало понемногу обретать силы. Лишь тогда она решилась спросить:

— Но ведь мама и папа... разве они не должны были беспокоиться о делах брата? Почему они... зачем так... Мне и одной было бы неплохо, к тому же...

Голос Эрис становился всё тише, пока она не умолкла совсем. Лилия была озадачена этим внезапным вопросом. Она задумалась о переменах последних дней и о поведении самой Эрис,

и, кажется, начала что-то понимать. Она, как и господа, совершила ошибку: они забыли, что Эрис, при всей своей рассудительности, всё ещё остаётся маленьким ребёнком. Какими бы взрослыми ни казались её мысли, это не отменяло того факта, что она мала и ей присущи детские чувства.

Представьте: вы — гениальный ребёнок из богатой семьи, купающийся в любви и заботе. И вдруг отец приводит бродягу, которого вы даже знаете, и объявляет, что именно он — его настоящий сын, а вы — лишь временная замена. В одночасье вы теряете всё: богатство, любовь и даже талант, которым так гордились. Ваши старания кажутся лишь нелепой шуткой. Такое потрясение не под силу вынести даже взрослому, не то что ребёнку.

Поняв это, Лилия осознала, почему Эрис доводила себя до обморока: дело было не только в попытке выплеснуть гнев, но и в желании доказать, что она ничем не хуже Рудеуса.

Лилия ответила многозначительно:

— Об этом, госпожа Эрис, лучше спросить самих господина и госпожу. Они скоро придут.

С этими словами она быстро собрала посуду и вышла из комнаты.

Эрис проводила её взглядом, снова легла в постель и погрузилась в свои мысли. Прошло ещё какое-то время, прежде чем в коридоре послышались шаги. Дверь тихо отворилась, и вошла Зенит. Эрис тут же посмотрела в её сторону.

Увидев, что лицо дочери порозовело, Зенит радостно подошла к кровати, села на край, как недавно делала Лилия, и с нотками радости и укора произнесла:

— Эрис! Как хорошо, что ты пришла в себя! Ты напугала маму до смерти! Зачем же так себя мучить? Если устала — не нужно тренироваться. Ты вчера так меня напугала!

— ...

— Чтобы это было в последний раз! И Пол... тоже мне, хорош! Я ведь говорила ему не заставлять тебя учиться, а он не слушает. Хорошо, что всё обошлось, а иначе...

Зенит продолжала говорить, не заботясь о том, что больному нужен покой. Эрис не перебивала. Она хотела спросить маму, почему она так поступает. Ведь есть же брат — разве он не талантливее её? Но по мере того, как Зенит изливала свои переживания, Эрис всё труднее было вставить слово. Она не знала, как задать этот вопрос.

— Ну всё, отдыхай, а мама пока пойдёт.

Заметив, что дочке нужен отдых, Зенит поспешно поднялась, напоследок ещё раз наказав ей беречь себя.

Глядя на уходящую мать, Эрис не выдержала. Но вместо слов обиды она спросила:

— Мама, ты любишь меня?

— Конечно, я люблю свою маленькую крошку.

— И я тебя люблю, мама.

— Ну надо же, какая ты ласковая. Давай, отдыхай.

Дети — существа удивительные. Они думают о многом — возможно, от любопытства перед миром, в который только что пришли. Но чем больше они размышляют, тем больше страхов рождается в их душах. Всё это — лишь внутренняя тревога. Поэтому не стоит поддаваться самобичеванию и изматывать себя напрасными переживаниями.

<http://bllate.org/book/20846/2102345>